

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2021.22.12.022

Комплексное территориальное развития для целей устойчивого функционирования экономики

Юсупова Майдат Садулаевна

Доцент,
Грозненский государственный нефтяной технический
университет им. академика М.Д. Миллионщикова,
364051, Российская Федерация, Грозный, просп. им. Х.А. Исаева, 100;
e-mail: maia_yusupova@mail.ru

Аннотация

В работе показано, что развитие цифровой экономики в России должно быть сбалансированным, комплексным и системным, происходить паритетно в государственном, общественном и реальном секторах экономики. Такой путь дает наивысший синергический эффект. Соответственно, на центральном звене иерархии управления необходимо определить стратегические цели, пути и последовательность их достижения. Однако, каждая сфера общественной жизни, сектор системы национального хозяйства имеет собственные особенности, ориентиры, цели и задачи становления и развития как в целом, так и в отношении цифровизации, соответственно, механизмы, инструменты и средства регулирования. Учитывая это тщательное планирование государственной политики развития сектора цифровой экономики в России следует осуществлять согласованно, но дифференцированно. Следовательно, положительно, что Концепция развития цифровой экономики и общества России на 2018-2020 гг. Концепция, собственно, и служит стратегическим ориентиром, согласно которому планируется развитие процессов цифровизации, является концентрированной системой взглядов, пониманием явлений и процессов, единственным определяющим замыслом. Логическим продолжением стратегического планирования и программирования государственной политики развития цифровой экономики России должна была бы стать Стратегия развития цифровой экономики как долгосрочный, последовательный, подкрепленный идеологией (концепцией), устойчивый к неопределенности условий среды план действий, направленный на достижение успеха в конечном результате.

Для цитирования в научных исследованиях

Юсупова М.С. Комплексное территориальное развития для целей устойчивого функционирования экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Том 11. № 3А. С. 211-217. DOI: 10.34670/AR.2021.22.12.022

Ключевые слова

Стратегия развития, цифровая экономика, замыслы, концепция, цифровизация.

Введение

На современном этапе социально-экономического развития и государственной политики ее становления цифрового сегмента актуализировалась потребность в разработке Государственной программы цифровизации в реальном секторе экономики России (далее – Программа). Положения этого стратегического планового документа стали бы логическим продолжением системы планирования государственной политики в сфере развития цифровой экономики непосредственно в системе реального сектора и отраслях базовых видов экономической деятельности, позволили бы дополнить, уточнить и внедрить более конкретные и действенные инструменты и средства государственного регулирования в этой сфере. Априори они дифференцируются в рамках политики развития цифровой экономики в бизнесе, с одной стороны, и в отношении развития цифрового общества и э-государства, с другой стороны.

Кроме того, Программа позволила бы имплементировать положения относительно упорядочения институционального обеспечения ресурсной поддержки и источников ее формирования, специфических практик относительно развития процессов цифровизации в особых сферах и аспектах, обеспечения информационной и экономической безопасности субъектов – участников цифровых отношений и пользователей цифровых услуг, координации действий и мониторинга реализации, а также управления и контроля государственной политики в сфере цифровизации экономики в реальном секторе национального хозяйства России.

Основная часть

Известно, что реальный сектор экономики является ее наиболее продуктивным сегментом, где происходит создание большей части национального продукта, что предлагается для реализации на внутреннем и внешнем рынках. Здесь формируется практически вся добавленная стоимость и именно от функционирования отраслей реального сектора экономики зависят базисные параметры и показатели экономического роста, а, следовательно, и обеспечивается конкурентоспособность национальной экономики. Соответственно, наибольший эффект цифровизации будет заключаться в распространении цифровой экономики именно в реальном секторе. Но указанные процессы подлежат предварительному планированию и программированию.

Существуют разные взгляды на состав отраслей, входящих в реальный сектор экономики. Ряд ученых считает, что реальный сектор – это исключительно производственный комплекс страны представлен промышленностью и сельским хозяйством. Другая группа исследователей главным критериальным признаком реального сектора считает создание добавленной стоимости, добавляя строительство, транспорт и связь, сферу услуг. Еще шире видение отраслевого состава реального сектора экономики в ученых, которые считают, что сюда следует относить все виды экономической деятельности, кроме государственного и общественного секторов, частично сфере финансовых услуг, операций, в пределах которых отсутствует добавленная стоимость. Все из охарактеризованных соображений имеют право на существование и являются в той или иной степени обоснованными. Таким образом, можно констатировать, что единого устоявшегося взгляда на структуру реального сектора экономики нет.

По нашему мнению, структуру реального сектора экономики образуют первичный, вторичный и третичный секторы. Первичный представлен отраслями, результаты

функционирования которых являются сырьем для других видов экономической деятельности (это добывающая промышленность и сельское хозяйство и связанные с ним виды деятельности, услуг). Вторичный-видами экономической деятельности, использующими сырье для изготовления продукции (отрасли перерабатывающей промышленности). Третичный-видами экономической деятельности, обеспечивающими продвижение и сбыт продукции, создание и оказание различного рода услуг.

Важно заметить, что продукты цифровизации сектора можно отнести и к первичному (ведь они образуются не на основе предварительно полученного сырья, хотя и зависят от коммуникационных технологий (телекоммуникационного оборудования и услуг), программного и аппаратного обеспечения), и ко вторичному (поскольку здесь создается конечный продукт) и третичному (продуктом преимущественно является услуга) секторов. С другой стороны, это отдельный сектор экономики, который имеет собственные элементы и, очевидно, имеет существенную добавленную стоимость и обеспечивает конкурентоспособность экономики. Таким образом, выделяем четвертичный сектор экономики как информационное общество и экономику знаний, что относится к системе реального сектора экономики и интегрируется с другими его сегментами, определяя потенциал их функционирования и развития.

Иными словами, цифровая экономика рассматривается и как четвертичный сектор экономики и, одновременно, как интегрирующий элемент, и, в то же время, как платформа дальнейшей эволюции, развития и укрепления конкурентоспособности национального хозяйства.

По нашему мнению, по результатам анализа можно сделать вывод, что на текущем этапе у России имеющийся потенциал развития цифровой экономики, но ее доля и влияние на макро- и микроэкономические процессы недостаточны; объемы внутреннего рынка продуктов цифровой экономики незначительные; не сформирован в достаточной инфраструктуре и институциональной среде цифровизации.

Исходя из этого, целью Программы представляется целесообразным определить гармонизации и конвергенции сектора цифровой экономики России и ЕС и единого цифрового пространства, рост отечественной цифровой индустрии (объемов производства и сбыта цифровых продуктов (услуг, технологий)), модернизацию бизнес-процессов субъектов реального сектора национальной экономики на основе повышения уровня цифровизации.

Аргументация предложенного подхода к формулированию цели государственной политики следующая. В первую очередь цифровая экономика России должна не отставать в темпах развития и технологичности от общемировых, прежде всего европейских, ведущих практик. Это стратегически важно и это главное. В противном случае даже при тотальном внедрении информационных технологий во все без исключения технологические процессы их конкурентоспособность, как и экономики страны в целом, будет ниже. Следовательно, первостепенным должно стать вхождение в страны-лидеры по развитию цифровой экономики и информационных технологий и удержание в дальнейшем собственных позиций.

Второй аспект цели заключается в росте цифровой индустрии России. Собственно, в сегодняшних условиях вместе с развитием процессов цифровизации, цифровая индустрия выступает отдельным сегментом (сектором, виду экономической деятельности) национальной экономики и, соответственно, увеличения ее масштабов прямо коррелирует с наращиванием объемов ВВП и ВНП. Соответственно, в рамках государственной политики цифровизации реального сектора экономики ведем речь о поддержке отдельного стратегически важного

сегмента национального хозяйства.

Но потенциал цифровой экономики включает не только наращивание объемов производства и сбыта цифровых продуктов и сервисов, а также касается и их внедрение на предприятиях, учреждениях, организациях и др., что позволяет обеспечить технологическую модернизацию, оцифровать, информационно стандартизировать и в значительной степени повысить уровень эффективности и производительности всех как внутренних, так и внешних бизнес-процессов.

Достижению обозначенной цели государственной политики будет способствовать реализация ее главных целей. По нашему мнению, их идентификация должна исходить из таких принципиальных положений. Во-первых, цели должны определяться в соответствии с преодоления существующих препятствий, трудностей привлечения и использования субъектами реального сектора экономики цифровых технологий. Соответственно, достижение цели одновременно будет способствовать и улучшению институциональной среды цифровизации. Во-вторых, Россия должна не наследовать ведущие цифровые экономики мира, а работать на опережение. В-третьих, в процессе развития сектора цифровизации необходимо предусматривать как сценарии роста, так и угрозы социально-экономической стабильности государства. В четвертый раз, наиболее эффективные и востребованные цифровые продукты появляются в итоге сотрудничества их разработчиков и заказчиков.

Следует обратить внимание на то, что мы применили несколько нетипичный подход к обоснованию целей государственной политики. Как правило, они касаются повышения, улучшения, оптимизации определенных числовых параметров за определенный период времени. Но, в данном случае, речь идет о новых рынках, новых секторах экономики, а также о влиянии на повышение эффективности функционирования действующих. К тому же это все происходит в условиях влияния внешних факторов (в т. ч. конкуренции со стороны цифровых экономик других стран), нестабильности политической и экономической ситуации в России. Учитывая это, считаем, что цели государственной политики должны быть в виде указателей, по которым следует двигаться, а количественные критерии, скорее, должны исследоваться в динамике, а не быть определенным.

По нашему мнению, на достижение именно определенных целевых ориентиров нужно направить государственную политику. Соответственно, весь комплекс мер, средств, инструментов и механизмов регулирования должна формироваться по направлениям, которые и будут сориентированы на достижение определенных целей государственного регулирования.

Направлениями регулирования в программе определяем: совершенствование нормативного и организационно-методического обеспечения развития цифровой экономики; развитие цифровой инфраструктуры; предоставления финансово-экономических стимулов субъектам реального сектора экономики для реализации проектов цифровой модернизации; реализация государственной программы развития Индустрии 4.0; инициирование и поддержка проектов по созданию инжиниринговых кластеров; государственно-частное партнерство и бюджетно-грантовое финансирование проектов со специализацией на драйверах роста.

Заключение

Таким образом, в первую очередь требует своего усовершенствования нормативное и организационно-методическое обеспечение развития отечественного сектора цифровой экономики. Для этого следует реализовать меры, определенные нами выше в рамках формирования надлежщего институционального обеспечения цифровизации.

Следующим шагом должно стать развитие цифровой инфраструктуры. Речь идет об уже упоминавшиеся цифровые платформы бизнеса, государства и общественности, единственные цифровые облачные платформы, элементы институциональной среды исследований и разработок в области цифровой экономики, улучшение информационной инфраструктуры и т. др. Деятельность в этом направлении должна вестись согласно детального генерального плана развития твердых и мягких цифровых инфраструктур с соответствующими этапами их развертывание и масштабирование, включая инструментами государственно-частного партнерства и публично-частного инвестирования.

Библиография

1. Abdulahad, R., Brownlee, K., Graham, J. R., & Montelpare, W. J. (2018). Measuring Social Capital: An Adaptation and Translation into Arabic of the Onyx and Bullen Social Capital Scale for Iraqi-Canadians. *Australian Social Work*, 71(4), 462–477. <https://doi.org/10.1080/0312407X.2018.1481218>
2. Barranca, M. R. (2018). Spanish-english translation of tourist signs in Seville: Problems and consequences for tourism [La traducción hacia el inglés de las señales turísticas de Sevilla: Problemas y consecuencias para el turismo]. *Sendebare*, 29, 277–303. <https://doi.org/10.30827/sendebare.v29i0.6743>
3. Bharati, P., & Chaudhury, A. (2019). Assimilation of Big Data Innovation: Investigating the Roles of IT, Social Media, and Relational Capital. *Information Systems Frontiers*, 21(6), 1357–1368. <https://doi.org/10.1007/s10796-018-9839-6>
4. Bollinger Raedersdorf, S. (2018). The construction process of an innovate management device in social and solidarity economy: The case of the foundation Apprentis d’Auteuil [La construction d’un outil de contrôle de gestion innovant dans l’économie sociale et solidaire: le cas de la fondation Apprentis d’Auteuil]. *Innovations*, 57(3), 109–136. <https://doi.org/10.3917/inno.057.0109>
5. Chen, Y.-S. (2016). Translation, the Knowledge Economy, and Crossing Boundaries in Contemporary Education. *Educational Philosophy and Theory*, 48(12), 1284–1297. <https://doi.org/10.1080/00131857.2015.1068684>
6. Conway, K. (2015). What is the role of culture in news translation? A materialist approach. *Perspectives: Studies in Translatology*, 23(4), 521–535. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2015.1026833>
7. Cronin, M. (2015). The moveable feast: Translation, ecology and food. *Translator*, 21(3), 244–256. <https://doi.org/10.1080/13556509.2015.1103094>
8. Deuchar, H. S. (2020). loan-words: Economy, equivalence, and debt in the Arabic translation debates. *Comparative Literature Studies*, 57(2), 187–209. <https://doi.org/10.5325/COMPLITSTUDIES.57.2.0187>
9. Dinerstein, A. C. (2017). Co-construction or prefiguration? The problem of the “translation” of social and solidarity economy practices into policy. *Towards just and sustainable economies: The social and solidarity economy North and South*.
10. Huang, Z., & Zhang, Y. (2020). The Value of Variational Translation. *New Frontiers in Translation Studies*, 191–196. https://doi.org/10.1007/978-981-15-9271-3_14
11. Krajcso, Z. (2011). Fostering social competence in translation studies. *Babel*, 57(3), 269–282. <https://doi.org/10.1075/babel.57.3.02kra>
12. Muntaner, C., Chung, H., Murphy, K., & Ng, E. (2012). Barriers to knowledge production, knowledge translation, and urban health policy change: Ideological, economic, and political considerations. *Journal of Urban Health*, 89(6), 915–924. <https://doi.org/10.1007/s11524-012-9699-1>
13. O’Keeffe, D. (2006). Problems in the translation of French political economy and social science into English. *Journal of Specialised Translation*, (5), 120–129.
14. Yu, X. H., & Hou, L. M. (2014). The research of the interactive translation teaching method based on the network - Taking the reform of translation teaching in NCIST as the example. *Advanced Materials Research*, 1042, 296–299. <https://doi.org/10.4028/www.scientific.net/AMR.1042.296>
15. Zhang, J., & Liu, Y. (2020). Research on translation strategy of intangible cultural heritage publicity based on internet information technology. In *Journal of Physics: Conference Series* (Vol. 1648). <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1648/2/022115>

Integrated territorial development for the sustainable functioning of the economy

Maidat S. Yusupova

Associate Professor,
Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov,
364051, 100, Isaeva str., Grozny, Russian Federation;
e-mail: maia_yusupova@mail.ru

Abstract

The development of the digital economy in Russia should be balanced, comprehensive and systematic, and take place in parity in the state, public and real sectors of the economy. This way gives the highest synergistic effect. Accordingly, at the central level of the management hierarchy, it is necessary to determine strategic goals, ways and sequence of their achievement. However, each sphere of public life, sector of the national economy system has its own characteristics, guidelines, goals and objectives of formation and development both in general and in relation to digitalization, respectively, mechanisms, tools and means of regulation. Taking this into account, careful planning of the state policy for the development of the digital economy sector in Russia should be carried out in a coordinated but differentiated manner. Therefore, it is positive that the Concept of the development of the digital economy and society of Russia for 2018-2020. The concept, in fact, serves as a strategic reference point, according to which the development of digitalization processes is planned, it is a concentrated system of views, an understanding of phenomena and processes, the only defining idea. The logical continuation of the strategic planning and programming of the state policy for the development of the digital economy of Russia should be the Strategy for the Development of the Digital Economy as a long-term, consistent, ideologically supported (concept), resistant to the uncertainty of environmental conditions, an action plan aimed at achieving success in the final result.

For citation

Yusupova M.S. (2021) Kompleksnoe territorial'noe razvitiya dlya tselei ustoychivogo funktsionirovaniya ekonomiki [Integrated territorial development for the sustainable functioning of the economy]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 11 (3A), pp. 211-217. DOI: 10.34670/AR.2021.22.12.022

Keywords

Development strategy, digital economy, ideas, concept, digitalization.

References

1. Abdulahad, R., Brownlee, K., Graham, J. R., & Montelpare, W. J. (2018). Measuring Social Capital: An Adaptation and Translation into Arabic of the Onyx and Bullen Social Capital Scale for Iraqi-Canadians. *Australian Social Work*, 71(4), 462–477. <https://doi.org/10.1080/0312407X.2018.1481218>
2. Barranca, M. R. (2018). Spanish-english translation of tourist signs in Seville: Problems and consequences for tourism [La traducción hacia el inglés de las señales turísticas de Sevilla: Problemas y consecuencias para el turismo]. *Sendebär*, 29, 277–303. <https://doi.org/10.30827/sendebär.v29i0.6743>
3. Bharati, P., & Chaudhury, A. (2019). Assimilation of Big Data Innovation: Investigating the Roles of IT, Social Media,

Maidat S. Yusupova

-
- and Relational Capital. *Information Systems Frontiers*, 21(6), 1357–1368. <https://doi.org/10.1007/s10796-018-9839-6>
4. Bollinger Raedersdorf, S. (2018). The construction process of an innovate management device in social and solidarity economy: The case of the foundation Apprentis d’Auteuil [La construction d’un outil de contrôle de gestion innovant dans l’économie sociale et solidaire: le cas de la fondation Apprentis d’Auteuil]. *Innovations*, 57(3), 109–136. <https://doi.org/10.3917/inno.057.0109>
 5. Chen, Y.-S. (2016). Translation, the Knowledge Economy, and Crossing Boundaries in Contemporary Education. *Educational Philosophy and Theory*, 48(12), 1284–1297. <https://doi.org/10.1080/00131857.2015.1068684>
 6. Conway, K. (2015). What is the role of culture in news translation? A materialist approach. *Perspectives: Studies in Translatology*, 23(4), 521–535. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2015.1026833>
 7. Cronin, M. (2015). The moveable feast: Translation, ecology and food. *Translator*, 21(3), 244–256. <https://doi.org/10.1080/13556509.2015.1103094>
 8. Deuchar, H. S. (2020). loan-words: Economy, equivalence, and debt in the Arabic translation debates. *Comparative Literature Studies*, 57(2), 187–209. <https://doi.org/10.5325/COMPLITSTUDIES.57.2.0187>
 9. Dinerstein, A. C. (2017). Co-construction or prefiguration? The problem of the “translation” of social and solidarity economy practices into policy. *Towards just and sustainable economies: The social and solidarity economy North and South*.
 10. Huang, Z., & Zhang, Y. (2020). The Value of Variational Translation. *New Frontiers in Translation Studies*, 191–196. https://doi.org/10.1007/978-981-15-9271-3_14
 11. Krajcso, Z. (2011). Fostering social competence in translation studies. *Babel*, 57(3), 269–282. <https://doi.org/10.1075/babel.57.3.02kra>
 12. Muntaner, C., Chung, H., Murphy, K., & Ng, E. (2012). Barriers to knowledge production, knowledge translation, and urban health policy change: Ideological, economic, and political considerations. *Journal of Urban Health*, 89(6), 915–924. <https://doi.org/10.1007/s11524-012-9699-1>
 13. O’Keeffe, D. (2006). Problems in the translation of French political economy and social science into English. *Journal of Specialised Translation*, (5), 120–129.
 14. Yu, X. H., & Hou, L. M. (2014). The research of the interactive translation teaching method based on the network - Taking the reform of translation teaching in NCIST as the example. *Advanced Materials Research*, 1042, 296–299. <https://doi.org/10.4028/www.scientific.net/AMR.1042.296>
 15. Zhang, J., & Liu, Y. (2020). Research on translation strategy of intangible cultural heritage publicity based on internet information technology. In *Journal of Physics: Conference Series* (Vol. 1648). <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1648/2/022115>
-